

Суббота, 16 июля

В ночь с пятницы на субботу кто-то поменял местами номера у всех автомобилей на центральной улице поселка. Скрутили номер с одной машины, прикрутили на другую. Номер с другой приделали на третью. И так со всеми восемью легковушками и одним ржавым микроавтобусом семьи панков. Первым обнаружил это наш сосед слева, Полуханов. Накануне он громко жаловался моей маме через забор, что простоял пять часов в пробке на выезде из Москвы и теперь у него даже нет сил, чтобы открыть пиво (хотя открытая банка уже была у него в руке). Полуханов же и вызвал полицию, несмотря на протесты других владельцев машин. Они, отыскав свои номера на соседских драндулетах, предлагали просто-напросто прикрутить знаки на положенные места и вернуться к дачным делам.

— Нечего тут полиции делать, — проворчала мама-панк, хмуро сдвигая фиолетовые брови с серебряными кольцами пирсинга.

— Дети шалят, — миролюбиво сказал папа-панк, держа на руках младенца в ползунках с надписью «fuck off».

— Сами найдем хулиганов и руки поотрываем, — воинственно заявила старушка Елисеева.

— Это не гражданский подход, — укорил соседей Полуханов. — Преступление совершено. Надо зафиксировать.

Он набрал номер, и тогда мы — граждане дачного поселка в возрасте от четырнадцати до семнадцати лет — сбились в кучу и дружно попятились за кусты ежевики. Я, моя московская подруга Ника, с которой мы вместе приехали на дачу, соседи справа — Илона и Карабас, велосипедист Амадей и его подруга Варвара, оператор Тиша (он целыми днями снимает прыжки и падения велосипедиста Амадея), а также мелкий Сеня, который сквернословит, хрипит и харкает как дальнобойщик. Все мы прекрасно знаем, кто ночью поменял номерные знаки, — это Петр и Леонид, братья-разрушители.

За это лето они уже успели провернуть несколько рискованных дел и ни разу не попались. Петр и Леонид выкрали всех кур у пенсионера Каспаряна и запустили этих кур на участок председательницы нашего дачного товарищества Хованской. Петр и Леонид покрасили калитку мрачного старика Иванова в нежно-розовый цвет, и старик ходил по поселку с руганью, обещая всех отправить в колонию,

а потом покрасил розовый буро-зеленым. Петр и Леонид дождались, пока очередная машина подъедет к самому берегу реки, наплевав на табличку «Проезд воспрещен», из нее вылезут упитанные мужчины с крестами на шеях и вразвалочку пойдут купаться, и вкопали позади машины пять железных прутьев, а потом еще обмотали эти прутья колючей проволокой. Купальщики выдирали прутья, матерясь и зарабатывая ссадины, а Петр и Леонид сидели в пятидесяти метрах на ольхе и жалели, что у них не было времени залить ограду бетоном.

Полицию из-за Петра и Леонида вызывали дважды. Первый раз, когда они вынесли холодильник у пенсионерки Малининой и поставили его в чистом поле. А второй раз, когда они погрузили уснувшего в канаве пьяницу Чурова в тачку и отвезли его в гараж все к той же Малининой. Чуров, проснувшись в незнакомом месте, стал биться в закрытую дверь гаража и звать на помощь, а Малинина со страху вызвала полицию.

Первый раз по вызову приезжал красный и круглый полицейский Спиридонов, про которого моя мама сказала, что так пить вредно для здоровья. Во второй раз приехал печальный Марат Маратович с меланхолически повисшими усами. Он чуть было не раскрыл дело, потому что сразу взялся за нас и разговаривал с нами таким грустным голосом и глядел такими усталыми глазами, что нам стало

почти стыдно и мы чуть было не проговорились, что знаем нарушителей.

Мелкий Сеня нарочно свалился с забора, лишь бы только не беседовать больше с Маратом Маратовичем, и мать повезла его в районный центр в больницу. Марат Маратович отвлекся на крики и ругань пострадавшего Сени, мы успели взять себя в руки, и больше печальный полицейский от нас не добился ничего.

Так что и на этот раз, пока Полуханов диктовал в трубку адрес нашего дачного поселка, мы с некоторым волнением гадали, кого пришлют — красного или грустного? Ни Петра, ни Леонида мы еще не видели — они наверняка, как это было у них заведено после каждой выходки, сидели смирно на участке и помогали своей бабке полоть грядки. Петр старше Леонида на год и выше раза в полтора, зато миниатюрный Леонид похож на модель из рекламы мужских трусов, в то время как неказистый Петр смахивает на прыщавого медведя, вставшего на задние лапы.

Илона и Ника глядели на Леонида с восхищением, меня же его чрезмерная красота всегда немного пугала.

— Возьми тогда Петра, — предлагала Ника.

Что значит «возьми»? Мы не в магазине, чтобы его брать. И потом, Петр меня тоже ни капли не интересовал ни в эротическом, ни в романтическом

плане. Сказать по правде, меня никто из наших парней в этом плане не интересовал.

— Амадей занят, — перечисляла Ника. — Карабас? Тиша? Сеню не берем, маленький. Лето зря проходит, Марта!

У самой Ники лето зря не проходило — сначала она охмурила Леонида, или он ее, не знаю. Через две недели Леонид ее бросил, или она его, не знаю. Ника переключилась на Тишу, а Леонида заполучила Илона. Амадей и Варвара купили друг другу деревянные кольца на рынке в районном центре. Я смотрела на все это и мрачнела. У меня никого не было, и никто мне не нравился.

Я написала сто тридцать пятое сообщение однокласснику Денису, который был мне как брат и я надеялась поговорить с ним о том, что со мной не так. Но Денис, видно, еще не вернулся из своего экологического лагеря на Белом море и на сообщения не отвечал.

Тогда я написала однокласснице Лусинэ, которая тоже была мне как брат, но Лусинэ закидала меня в ответ невыносимо искрящимися сердечками и просююкала: «мы поцеловались в гу-у-у-убы». У нее там в деревне в Тверской области любовь в разгаре, не стану я ей рассказывать, как у меня тут все тухло.

С мамой о таких вещах тоже не поговоришь — она мечется между дачей и Москвой как деловой шмель и для разговоров непригодна. В Москве она

ходит по беседам, а на даче злится. Злится она на тех, кто не дал ей работы, на нас с Никой, на папу и вообще. «Сорок лет уже старуха для них? Девочки, кто так вилки моет? Если бы твой папа умел зарабатывать! Да что ж это за жизнь такая!» А потом подходит ко мне, рассматривает как чучело в музее и говорит: «Если бы ты закалывала волосы вверх, нос бы так не выделялся». И через секунду: «Все, бегу на автобус!»

Вот и сейчас, пока мы взволнованной кучкой стоим за кустами ежевики и ждем полицию, мама выскакивает из наших ворот — каблуки, пиджак, помада, узкая юбка до колен — и суетливо семенящим из-за юбки шагом припускает по улице.

— Вам хорошо, у вас машины нет! — кричит ей вслед Полуханов.

— Мне отлично! — на ходу отвечает мама. — Два часа на автобусе, час на метро.

— Зато без пробок, — продолжает Полуханов. — Я вот вчера...

— Да-да, я знаю! — не оборачиваясь, машет ему мама и исчезает за поворотом.

Через секунду из-за того же поворота появляется белый автомобиль с синими полосами по бокам и, расплескивая двухдневные лужи, направляется в сторону дачников, собравшихся на улице. Полуханов поднимает обе руки и машет, словно боится, что сидящий за рулем не заметит толпу людей и про-

едет мимо. Машина останавливается. Мотор глохнет, дверь открывается, и на дорогу с криком вылезает красный Спиридонов.

Мы в ежовике переглядываемся с облегчением — равнодушному Спиридонову можно врать без зазрения совести.

* * *

Спустя всего лишь час (спиридоновское расследование долго не продлилось, хотя Полуханов и просил снять с номерных знаков отпечатки пальцев) мы с Никой и Сеней сидим на лужайке перед нашим домом и выстригаем колтуны у Чубакки. С Чубаккой мы познакомились неделю назад — он трусил, повесив голову, по улице, и свалявшиеся от грязи колбаски длинной серой шерсти мотались из стороны в сторону как дреды. Ника бросилась к нему первая. Накормила маминым паштетом (хорошо, что мама в это время была за сто семьдесят километров на собеседовании) и потащила к нам мыться. Чубакка оказался добрейшим псом, который послушно стоял под шлангом и не возражал против шампуня и расчески. Когда мы его отмыли, он стал скорее белым, чем серым, и был бы совсем красавцем, если бы не ужасная худоба. Остаться жить у нас он не захотел (может, и к лучшему, мама бы вряд ли обрадовалась), ночевал всегда в поле или у помойки, но регулярно заходил к нам поесть. Чубаккой его прозвал Сеня.

Хотя наш Чубакка на того Чубакку мало походил, разве что носы у них были похожи.

— Чуба, — говорит Ника псу, — ты вроде потолстел немного?

И тыкает его пальцем в бок.

— Он кур у Каспаряна таскает, — харкнув и сплюнув, сообщает Сеня.

— Сень, хорош харкать, — делаю я замечание.

— Так я ж в траву! Чо такова-та?

— Сеня, мы это уже обсуждали, — нудю я, как училка. — Еще раз тут харкни, и будем Чубакку без тебя стричь.

Сеня нахохливается, как январский воробей, и затихает. Какое-то время мы все молчим, слышны только пощелкивание ножниц и вздохи терпеливо сносящего стрижку Чубакки.

— А с чего Каспарян взял, что это Чубакка, а не лиса какая-нибудь? — спрашивает Ника.

— Он его видел, — коротко отвечает Сеня.

* * *

В полдень я готовлю макароны — запекаю их с помидорами, петрушкой и яйцом, — а Ника валяется на полу кухни, гоняет туда-сюда чаты и ленты в телефоне и по обыкновению комментирует.

— Лусинэ твоя видала, что пишет? В губы поцеловались. Тоже мне событие. Ей двенадцать лет, что ли?

— Тебе обязательно на полу лежать? Не помню, когда мы его мыли, — ворчу я. Мне не нравится, когда Ника с таким пренебрежением говорит о Лус.

— Мне обязательно на полу лежать, — отвечает Ника, — у меня ско-ли-оз, искривление позвоночника, спинка бо-бо.

Я ничего не отвечаю, Ника что-то мурлычет, потом говорит:

— Лусинэ спрашивает, что там с Денисом. Что ей написать?

— Напиши ей, что не отвечает, — говорю я.

Пауза, потом Ника докладывает:

— Лусинэ пишет, что будет за него молиться. Не, ей точно двенадцать лет.

— Пусть молится, — отвечаю я. — А ты сама Денису не писала разве? Я думала, он тебе нравится.

— Ну-у-у, — неопределенно тянет Ника, потом выпаливает: — Тиша новое выложил, глянь!

Она вскакивает и сует мне под нос телефон. Там сегодняшняя съемка, как две капли воды похожая на все предыдущие: Амадей на своем акробатическом велосипеде с маленькими колесами и низким седлом разгоняется, подпрыгивает, перелетает через положенные друг на друга четыре покрышки и падает при приземлении. На пятый раз у него получается не упасть, и в кадр вбегает радостно визжащая Варвара.

Ника смеется и начинает набирать комментарий.

- Как у вас с Тишей, все круто? — спрашиваю я.
- Да-а-а, — тянет она, не отрываясь от телефона.
- И как он, добрый? — не отстаю я.
- Угу, — кивает Ника, продолжая набирать.
- Веселый?
- Угу.
- Заботливый?
- Ну, вроде.
- Секси?
- Ну-у-у...
- Ты что там, роман пишешь?
- «Анну Каренину»!

Ника отрывает, наконец, взгляд от экрана и начинает ржать как лошадь. Я хохочу вместе с ней — уж очень смешно она гогочет.

— Сегодня читаем? — спрашивает она меня, отсмеявшись.

Иногда по ночам, возвратившись домой, мы не сразу засыпаем, а лежим и читаем друг другу по очереди вслух «Анну Каренину». На чердаке, где мы ночуем, полно старых книг. Не знаю, как так получилось, но мы выбрали эту. Честно говоря, я не хочу ее дочитывать — и я, и Ника знаем, что в конце Анна должна броситься под поезд. Утешает то, что читаем мы медленно и лето может кончиться раньше «Карениной».

Или мы просто-напросто остановимся, как только нам перестанет быть весело.

* * *

Обедаем мы в саду за деревянным столом — так вкуснее. За забором упражняются Илона и Карабас. Карабас играет на контрабасе (его потому так и прозвали: контрабас-карабас), а Илона на флейте. Время от времени слышен голос их мамы:

— Еще раз! Внимательнее! Лева, спишь!

Лева — это Карабас. Они с Илоной похожи на своего папу — оба невысокие, округлые, близорукие, кудрявые и тихие. Мама у них, напротив, громогласная каланча с острым зрением и прямыми короткими волосами, которые она красит в черный.

Ника выхватывает у меня вилку и начинает двумя вилками, своей и моей, выбивать по столу барабанную дробь. При этом она трясет шевелюрой и корчит рожи, как барабанщик рок-группы. Мама Илоны и Карабаса в паузах между упражнениями наверняка слышит этот шум, но на провокацию не ведется и продолжает как ни в чем не бывало:

— Еще раз! Я сегодня вами недовольна! Лева, проснулся!

Ника переходит к тарелкам и со всей дури лупит вилкой по своей. Тарелка со звоном разбивается. Маркарон в ней уже не было, но все равно обидно.

— Ой, извиняюсь, — смущенно бормочет Ника, положив вилки на стол.

— Правильно говорить «извини меня, пожалуйста», — шиплю я сердито.